

Николай ЛЕВЧЕНКО

член Союза писателей России

Саморазоблачение автора

В кратком вступлении к настоящей скромной публикации на страницах уважаемого альманаха хотелось бы сказать следующее. Прозаические пояснения к стихам чаще всего оказываются излишними, так как стихи или что-то говорят, или что-то не говорят вам сами по себе. Художнику перед своей картиной излишне распространяться о том, что он замыслил, и насколько это получилось – судить не ему.

Рассказывать об обстоятельствах собственной жизни тоже смысла мало – в стихи они перетекают невероятно причудливым образом, малопонятным и мне самому.

В отличие от многих энтузиастов, поэтом я сам себя считаю с большой натяжкой, так как без натяжек являюсь только врачом или врачом-педагогом. К сожалению, эта прекрасная профессия постепенно становится некоей призмой, сквозь которую окружающая жизнь начинает казаться однобоко-печальной. Неведомые спасительные инстинкты заставляют искать какие-то другие её горизонты, высоты и глубины, доступные только искусству. Похоже, лишь в этой системе координат человек может быть по-настоящему свободен и счастлив.

Стихи и шуточные послания

Владивосток. Вторая речка.

Памятник О. Мандельштаму

Здесь от моря лишь запах да сырость,
Здесь от неба лишь сырость да серость,
От возможного – то, что случилось,
Чтоб иного уже не хотелось.

Здесь от музыки дней – монотонные суток длинноты,
Чтоб не горе, уж коли закончатся вскоре.
Чайки серые на высоком сыром заборе –
Повтореньем единственной траурной ноты.

Здесь от звуков немного, немного осталось:
Сучий лай да гудки поездов, пароходов.
Так гудками да рельсами исполнялась
Бред-симфония тридцать восьмого года.

Боже милостивый! Ты ли этим сырым туманом,
Этой серостью, этой наркозной ватой
Заглушаешь боль отсечения, склоняясь над свежей раной,
Отсечения всего, что дышало, цвело и звучало когда-то?

Отсечения небес над лимонной вечерней Невою,
Гор Армении зелени и камней,
Адриатики сказочного виденья
И Воронежа вьюжного волчьего воя?

Отсеклось. Пресеклось. Ничего не осталось.
Ни могильного холмика, ни могилы.
Лишь стихов уцелевшую милость и малость
Да вот памятник памяти, опять застыдась, возвратила.

Вслед за пушкинской Чёрною речкой, эта серая речка Вторая
Не вторая, не третья и последней не будет, скорее.
Вам на чёрном мраморе пишет о том сырая
Краска серая: «Смерть евреям!»

* * *

...Здесь памятника больше нет. Он где-то
Чернеет возле Университета.
А здесь – лишь пень из серого бетона.
И скука, и стекло микрорайона,
И чей-то смех. Но всё же среди лета
На том бетоне дремлют иногда
Цветы простые дачного букета,
Пионы, ирисы и астры – как когда.
Что говорить? – И утешает это...

2004-2006

* * *

Жизнь нас учит не малому,
Да и смерть – учит многому.
Жизнь нас учит началами,
Смерть нас учит итогами.

И зачем мы, и кто мы? –
Так, на чьей-нибудь тризне,
Смерть нас учит простому:
Уважению к жизни.

Посреди круговерти,
Где мы копим и множим,
Смерть шепнёт о бессмертии
И о Царствии Божьем.

И о лестнице времени
Нам удастся расслышать,
Где нам честь – лечь ступенями
Для стремящихся выше.

Где надежды – жар-птицы,
Где, подобием рая,
Всё прошедшее длится,
Смертью смерть попирая.

4.03.2007

О счастье

Я о счастье сейчас разговор заведу,
Но совсем не о том, что у всех на виду:
Не о свадьбах, рожденьях детей и наградах,
О счастливой любви – и о той разговоров не надо.
Это счастье приходит и так же – уходит,
И не ты, и не я его за руку водят...

Не из праздников строится жизнь – а из тризн
На поминках надежд, из себе самому укоризн:
Всё, что было, могло бы случиться иначе –
Было б смелости больше, да было бы больше удачи...

Но о том разговор, как сквозь этот душевный разор
Вдруг да вспомнится, вспомнится недоговорённо, неясно,
Что до этого часа хранилось, казалось, напрасно.

Позабывтый, брошенный памяти сор
Будто сам по себе начинает вести разговор,
Будто старый ваш сон, что ещё не забыт до конца,
Вдруг начнёт оживать то теплом от ладони отца,
То спокойствием матушки доброго взгляда,
То давнишнего вечера тихого лада.
От какой-то случайной и, в общем-то, встречи минутной
Вдруг повеет теплом, сохранилось оно почему-то...

Лучше всяких врачей и церковных свечей
Нас целит теплота тех простых мелочей,
Что хранит наша память, где прошедшего времени части.
Это счастье? – Кто знает, а может и счастье.
Незаметное счастье – без названия, смысла и цели,
Только с ним мы в несчастьях не раз и не два уцелели.
Уцелеем и дальше. Уцелеем, пока ещё с нами
Благодарная память, благодарная память...

17.11.2006

* * *

Седой поэт на птичьем языке с эпохой говорит.
В ответ эпоха,
Седых поэтов понимая плохо,
Насвистывает свой какой-то ритм.

Среди житейских дел эпохе не до птиц.
Хватает ей прикормленных синиц –
Синиц в руке. А жаворонок в небе
Всегда один, не думая о хлебе.

Эпоха молода, ей невдомёк,
Что для неё отмерян строгий срок,
Вслед за которым новая эпоха
Рассудит заново, что – хорошо, что – плохо.

Но птица над землёй! С небесного пространства
Она поёт о том, что постоянства
Ничуть не меньше всяких перемен,
И что-то есть, что не исходит в тлен,
И что-то есть над хаосом и тленом,
И это длится вечною вселенной,
И с нас того же требует взамен.

Пусть умный – слышит, слышащий – поймёт,
А понимающий – пусть будет тихо счастлив,
Следя, как птичий песенный полёт
Роднит времён распавшиеся части,
Послушно время возвращая снова
В начало, к Богу.
Богом было Слово.

2005-2006

Три возраста любви

... И всю я тебя, от гребёнок до ног,
Как трагик в провинции драму шекспирову,
Носил за собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Б. Пастернак

1

Я люблю тебя, так, ни за что, полюбил и люблю.
Ненавидят – за что-то, а любят – от чистого сердца.
Пусть колеблются курсы валют, пусть дефолт угрожает рублю –
Всё равно я люблю, и от этого некуда деться.

Я люблю тебя всю, всю тебя – от гребёнок до ног
(Как заметил поэт Пастернак), любят так только очень немногих:
Каждый взгляд твой и каждый волос завиток,
Каждый шаг твой, и вздох, и улыбку, и руки, и ноги.

О любовь как о розу руки, губы себе наколю –
Чтобы кровью тебе написать, как о самом интимном:
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю, я люблю.
Пока кровь не свернулась – прости, что написано длинно.

2

Я тебя не люблю. Ни за что я тебя не люблю,
Это любят за что-то, а не любят – от чистого сердца.
По любому из курсов валют: евро, доллару или рублю –
Я тебя не люблю – и от этого некуда деться.

Не люблю тебя всю, не люблю от гребёнок до ног
(Молодец, Пастернак!) – так не любят лишь очень немногих:
Твой нелепый прикид, твой дурацкий на лбу завиток,
Губы, зубы, плаза и, ты знаешь (да, ты знаешь), – особенно ноги.

На груди, возле сердца, я наколку себе наколю,
Или, может, её наколю я на месте интимном:
Не люблю, не люблю, не люблю, не люблю, не люблю –
С восклицательным знаком – прости, что наколото длинно.

3

Ни за что, ни про что ты спросила меня – я люблю?
Это значит сегодня опять у тебя с переборами сердце.
Твоё сердце в рубцах – это я твоё сердце рублю,
Как ты рубишь – моё, и от этого некуда деться.

Жизнь – спектакль для актёров двоих. Всю тебя от гребёнок до ног
(Ах, мудрец Пастернак!) я тебя понимал, как немногих.
Драматург наших судеб сюжета крутил завиток,
Замышляя финал, где бинтом свяжут руки и ноги.

Что там ждать медсестру? – дай я сам всё тебе наколю,
В нашем возрасте, милая, смех говорить об интимном.
Полегчало? – усни, да, люблю, да, конечно, люблю.
Жалость – больше любви, но об этом рассказывать длинно...

2005-2007

ШУТОЧНЫЕ ПОСЛАНИЯ

О.К. Маслову, в Израиль

Скажи мне, ветка Палестины,
Скажи мне, Маслову, скажи:
Ну, от чего твои маслины
Милы для масловской души?

Здесь сердце так замрёт порою,
Поэта увлажнит взгляд,
Когда над Масличной горою,
Как масло, плавится закат.

Нет, вдохновенье не угасло,
Разлуке нашей вопреки:
Стихи текут здесь как по маслу,
Как воды Иордан-реки!

Невольник чести – потому ли,
Иного времени герой,
Порой я слышу – свищут пули
Над несклонённой головой!

Скажи мне!.. Но внезапно ветка
Роняет свой деликатес –
Арабы редко целят метко,
Не как Мартынов и Дантес.

2007

Алексею Воронкову, в Белогорье

Звенела слава Воронкова,
Как ворона коня подкова,
Когда, неугомонный, снова
Он новый издавал роман.

От редакции: Имя Николая Романовича Левченко стало известно амурским читателям в 2000 году, когда вышел первый сборник его стихов «Друзьям и рекам». Затем в 2003-м вышла вторая книжка стихов «Тебе и Городу», которая в следующем, 2004-м, получила диплом как лучшая поэтическая книга года. По этим двум книгам Н. Левченко в том же 2004 году был принят в Союз писателей России. В 2006-м году, к 150-летию юбилею Благовещенска вышла ещё одна книга стихов – «Городской романс», в которой собраны лучшие стихотворения, поэмы и даже эпиграммы. Она позволяет читателю оценить всю многогранность творчества Н. Левченко.

В настоящей подборке стихотворений Николая Романовича по-новому зазвучали волнующие его темы: память, время и вечность, любовь, жизнь и смерть, поэт и поэзия. Очень свежо звучит стихотворение, открывающее сплотку, – «Владивосток. Вторая речка. Памятник О. Мандельштаму». В нём пробиваются не совсем привычные для поэта ритмы, аллитерации, в образности ощущается почти зримое присутствие Мандельштама, его и нашей эпохи. Влияние «мандельштамовской» темы ощущается и в стихотворении «Седой поэт на птичьем языке с эпохой говорит». И как всегда, стихотворения Левченко отличаются элегичностью, светлая печаль, лёгкая ирония – верные спутники мудрой зрелости.

Былинной русской славе вторя,
Не по долинам и по взгорьям,
А по протокам Белогорья
Гремела слава тут и там.

Не плясуном и гармонистом –
Село гордилось романистом.
Не видя тех романов близко,
Гадало – видно, не простой:
Травы с крестьянами не косит,
Не сеет рожь, лаптей не носит,
Крестьянских девок петь не просит –
Оно и видно: не Толстой.

Детей крестьянских не лечил он,
Догадка быстро проскочила:
Не Чехов – видно не по силам,
Ну что же – каждому своё.
Не бьёт бекасов – не Тургенев.
Не Бунин – тот по бабам гений,
Не раздаёт пьянчугам денег –
Не Горький – ясно, ё-моё!

Слегка картавит – может, Бабель?
– Давно уехал бы в Израиль.
Перекроив о рангах табель,
В литературный обиход
Ни с кем не схожий по натуре
Дал Воронков литературе
Мордушу, невод, перемёт
И сеть, с надеждою простой
На проблеск рыбки золотой...

2007